

ПОЛИТОЛОГИЯ

Триумф и трагедия первого генералиссимуса Руси

В. А. Замыслов*

Аннотация. Статья описывает жизненный путь первого генералиссимуса Руси – М.И. Воротынского, – его триумф и трагедию.

Ключевые слова: генералиссимус; М.И. Воротынский; царь Иван Грозный; Казань; триумф; трагедия.

Triumph and Tragedy of the First Generalissimo of Russia

V. A. Zamislov

Abstracts. The article describes the life of the first generalissimo of Russia – M. I. Vorotinskiy, – his triumph and tragedy.

Key words: generalissimo; M. I. Vorotinskiy; tsar Ivan the Terrible; Kazan; tragedy; triumph.

Чем больше вникаешь в белые пятна русской истории, тем все больше открываешь удивительные вещи, даже невероятные и неожиданные.

Некоторым читателям, наверное, известно, что первым русским генералиссимусом¹ стал боярин Ф. Ю. Ромодановский, назначенный Петром I, но, оказывается, первым был не он.

В многотомном энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона я натолкнулся на

статью «Дворовый воевода» В. Е. Рудакова, который с 1901 года заведовал архивом департамента герольдии. В ней говорится, что звание генералиссимуса в России появилось раньше, чем в Европе, а именно во времена Ивана Грозного, когда он в 1551 году, возглавляя поход в Казанское царство, назначил ярославского воеводу, князя М.И. Воротынского, «дворовым воеводой» – главнокомандующим всего рус-

* **Замыслов Валерий Александрович** – советский и российский писатель, автор широко известных исторических романов «Набат над Москвой», «Дикое Поле», «Иван Болотников» и т. д. Член Союза писателей России, дважды лауреат литературной премии имени И. З. Сурикова, почётный гражданин города Ростова Ярославской области, владелец «Почётного знака г. Ярославля» III степени, заслуженный работник культуры России.

Данная статья поступила в редакцию журнала незадолго до кончины В. А. Замыслова 5 сентября 2011 г. и является последней публикацией, над которой он работал в последние дни своей жизни.

¹ Слово «Генералиссимус» произошло от латинского (generalissimus – самый главный), высшее воинское звание в некоторых странах. Впервые было присвоено в 1569 году королю Франции Генриху III. (Электронная Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2010 г. Издательство Megabook.ru).

В России с конца 17 века звание генералиссимуса имели: вышеупомянутый Ф. Ю. Ромодановский, А. С. Шеин, А. Д. Меншиков, Антон Ульрих Брауншвейгский (отец императора Ивана VI Антоновича), А. В. Суворов. 26 июня 1945 года было введено звание Генералиссимуса Советского Союза, которое присваивалось только И. В. Сталину. В 20 веке звание генералиссимуса имели также Ф. Франко (Испания), Чан-Кайши (Китай). В 1992 звание генералиссимуса присвоено Ким Ир Суну (КНДР).

ского войска – генералиссимусом. «Дворовый воевода, – говорится в статье Рудакова, – старшее лицо в рати государей московских. От него зависели прочие воеводы. Иногда дворовые воеводы посылались к войскам как бы в сане генералиссимуса и тогда имели власть над всеми частями ратной силы, где бы они ни находились; но сан этот давался очень редко» [1].

Кто же такой М. И. Воротынский? Начнем, опираясь на вышеуказанный словарь, с его родословной.

Воротынские – древний княжеский род, происходящий от черниговского князя Михаила Всеволодовича и третьего сына его, Семена. Правнук его, Федор, женатый на внучке Ольгерда (великого литовского князя), около середины XV века получил в удел Воротынск. Потомки его в конце XV и начале XVI веков перешли из литовского подданства в русское. Из них выдвинулся Иван Михайлович, «победоносный воевода», в 1500 году в войнах против Литвы и татар. В 1508 году он отразил крымских татар, явившихся на Украину, и преследовал их до реки Рыбницы. В 1512 и 1513 годах принимал участие в осаде Смоленска, а в 1517 году отразил крымцев, неожиданно появившихся под Тулой. В 1521 году он подвергся опале: его обвинили в том, что, оскорбленный князем Бельским, он не выступил ему на помощь во время нападения крымского Махмет-Гирея. Освобожден был Воротынский только в феврале 1525 года, когда дал клятвенную грамоту, за ручательством духовенства, загладить свою вину и не иметь никаких сношений с Литвой. В правление Елены Глинской (матери Ивана Грозного), когда стало известно о бегстве к королю Сигизмунду князя С. Ф. Бельского и окольного Ляцкого, Воротынского внезапно схватили как «соумышленника» беглецов и без всякого суда и следствия сослали на Белоозеро (1534); здесь он и умер в заточении [2].

Сын его, Михаил Иванович, родившийся в 1510 году, будучи ярославским воеводой, показал свои ратные успехи в сражениях против крымских татар и шведов. Не случайно, задумав поход на Казанское ханство, царь Иван Грозный отдал приказ: собрать многочисленные отряды из разных городов русского государства под знамена ярославского воеводы, князя Михаила Воротынского, составившие затем левое крыло русской рати.

В 1551 году, когда Иван Грозный выступил против Казани, Воротынский был назначен воеводой Большого полка, а вскоре и главнокомандующим – генералиссимусом всего русского войска. В качестве главного военачальника Воротынский и сыграл решающую роль в покорении Казани [3, с. 111].

Борьба с Казанским ханством стала первоочередной задачей Русского государства к середине XVI века по нескольким причинам. Прежде всего потому, что ханство соседствовало с землями, населенными русскими людьми, держало в своих руках волжский торговый путь, препятствовало общению русских людей со странами Востока, требовало больших средств на оборону восточных рубежей.

К середине XVI века Казанское ханство попало в полную зависимость от враждебно настроенных по отношению к России Крымского ханства и Турции. В те годы Казанское ханство более всех других внешних врагов препятствовало культурно-хозяйственному развитию России, мешало русскому правительству собрать силы на борьбу с междоусобьями удельных князей.

Казанское ханство, за спиной которого стояли Крым и сильная тогда султанская Турция, являлось в то время своеобразным центром, в котором собирались враждебные Русскому государству силы. Враждебная значимость Казанского ханства заключалась также и в том, что оно сковывало силы Русского государства и не давало ему возможности вести деятельную внешнюю политику на западе.

В годы малолетства Ивана Грозного, когда Русское государство было ослаблено феодальными усобицами, в Казани вновь усилилась турецко-крымская группировка, и ханом стал представитель крымской династии Сафа-Гирей, действиями которого руководили из Стамбула. Казанские разбойничьи набеги сопровождались ужасающим опустошением, массовым уводом в плен населения и приносили огромный ущерб русскому народному хозяйству и неисчислимы бедствия русскому народу и другим народам Поволжья.

В 1551 году в Казани томилось более 100 тысяч русских пленников. Торговля ими была доходной статьей торговли казанских феодалов и купцов с Крымом, Астраханью и Средней Азией.

Коренному населению Казанского ханства, в том числе татарским трудящимся массам, была глубоко чуждой агрессивная политика крымско-казанских феодалов, и оно выступало против крымско-турецкого ига. Народы Среднего Поволжья, давно связанные с русским народом, тяготели к сближению с ним, неоднократно изъявляя желание перейти в русское подданство.

Интересы обороны Русского государства требовали незамедлительного устранения очага агрессии. Подчинение казанского ханства являлось для Русского государства также средством воспрепятствовать вторжению ногайских и крымских феодалов, ежегодно уводивших тысячи русских людей в неволю, и преградить дорогу турецкому нашествию.

Успешная война с Казанским ханством должна была не только ликвидировать угрозу восточным и южным районам страны, но и обеспечить русским слоям феодалов приобретение новых земельных угодий и холопов. В середине XVI века, когда вопросы о наделении служилых людей землей и о рабочей силе в поместьях стояли весьма остро, идея завоевания «Казанской земли» была особенно популярна в среде служилых людей. Идеолог дворянства Иван Пересветов¹, настойчиво советуя царю казанскую «подрайскую землицу», откровенно выразил заинтересованность дворянства в этой войне. Бояре и церковные феодалы также были заинтересованы в активизации восточной политики Русского государства. Включение в состав Руси территории Поволжья должно было не только создать благоприятные условия для роста феодального землевладения, но могло в какой-то мере снабдить землей также и старинные боярские и монастырские вотчины, на которые притязало дворянство. Правительство получило бы возможность обеспечить интересы дворянства путем раздачи новоприобретенных земель, не трогая вотчин крупных феодалов. Война с Казанью отвечала интересам всего русского народа и стала необходимой составной частью правительственной программы в конце 40 - начале 50-х годов XVI века.

Походы на Казань совершались и раньше, на-

пример, в 1506, 1524 и в 1530 годах. Сам Иван Грозный также пытался несколько раз организовать походы на Казань. Первый поход был проведен в 1548 году, когда он вступил на царство. Но время для похода было выбрано неудачно. Как говорит летописец, была «теплота велика и мокрота многая». Скоро наступила оттепель, лед на Волге тронулся, а других путей не было. Ивану Грозному пришлось вернуться обратно.

Но в ноябре 1549 года царь с младшим братом Юрием опять снарядился на Казань, повелев собираться полкам: Большому в Суздале, Передовому в Шуе и Муроме, Сторожевому в Юрьеве, Правому в Костроме, Левому в Ярославле. Оставив оберегать Москву двоюродному брату Владимиру Старицкому, царь двинулся в поход. Полки соединились в Нижнем Новгороде и 14 февраля стали под Казанью. Сражались целый день, но не могли овладеть крепостью. В следующие дни началась оттепель; шли сильные проливные дожди, пушки больше не стреляли, лед на реках взломало, и войско, не имея подвозов, боялось голода. Надлежало уступить необходимости и с величайшим трудом идти назад.

Дойдя до устья реки Свияги, впадающей в Волгу, царь остановил войско на отдых. И вот тут в шатер государя напросился князь Воротынский, который высказал, что главной причиной двух неудачных походов является отсутствие под Казанью ратной и продовольственной базы. Надлежит основать на Свияге, очень удобном месте, с высоким холмом, называемом Круглым, мощную крепость. Не надо ни рва, ни земляного вала. Отсюда, в 30 верстах от Казани, следует и нападать на врага.

Царь желчно рассмеялся, назвав затею Воротынского бессмысленной, так как казанцы не позволят у себя под носом возводить русскую крепость. Но Воротынский заявил, что возводить крепость под носом Казани, разумеется, не следует. Всё произойдет тайно, вдали от неприятеля. Углич, в котором ему довелось быть, славится дубовыми лесами. Там – и изделия для крепости и церкви собрать, а весной на насадах и расшивах² доставить на Свиягу. Сооружение же сотворить необычайное, как уникальный

¹ Пересветов Иван Семенович, русский писатель-публицист, идеолог дворянства. Служил в Литве; ок. 1539 выехал в Россию. В 1549 передал Ивану IV свои сочинения. Выступал за укрепление самодержавия, военную реформу, присоединение Казанского ханства.

² Расшива - плоскодонное судно длиной до 25 саж., шириной до 6 саж.; при 11 четвертях осадки судно поднимало до 45 тыс. пд. груза. Спереди судно отличалось острым носом с наклонным штевнем, корма в надводной части ограничивалась транцем (плоским отвесным щитом). На единственной мачте судна поднимались два паруса: нижний – большой и верхний – малый, наз. балун.

случай в истории русского градостроительства, чтобы по своей площади крепостные сооружения на Свияге превосходили сооружения Новгорода Великого, Пскова и даже Московского Кремля. Крепость следует обнести деревянной стеной протяженностью более тысячи саженей,¹ составленных из городней — широких прямоугольных срубов, заполненных внутри землей, камнями и валунами. На всем протяжении стены необходимо усилить ее боевыми башнями. И тогда крепость сыграет решающую роль во взятии Казани. Замысел Воротынского был воплощен совместно с дьяком Иваном Выродковым, который отличился в строительстве южных крепостей.

Однако Иван Грозный продолжал сомневаться: пока рубятся городни-срубы, татары, проникающие до верховьев Волги, непременно пронюхают о замысле Воротынского и Выродкова, — на что Михаил Иванович предложил поднять служилых казаков и стрельцов и послать их в набег на казанский посад, а заодно перекрыть Каму, Волгу и Вятку, чтоб никакие люди ни в Казань, ни из Казани не ездили.

Царь согласился.

В апреле 1551 в лесах Углича был окончательно срублен необычный деревянный город, который затем был разобран и погружен на суда, доставлен по Волге до Свияги, где на Круглой горе и была заложена крепость, а вскоре она уже была готова [4, с. 164]. Так и написано в летописи: «И свершили город в четыре недели». Стены крепости были из дубовых срубов, приставленных друг к другу [5, с. 26].

23 августа 1551 г. 150 тысяч войск со 150 пушками обложили Казань, которая по тому времени представляла довольно сильную крепость. Вокруг города шла дубовая стена, сложенная из бревен, протяжением в 5 верст. Высота ее — почти три с половиной сажени, ширина — около трех саженей. Стену окружал глубокий ров. В северной части города был Кремль с бревенчатыми стенами и с каменным ханским дворцом. Тут же, возле ханского дворца, находился тайный родник, который давал возможность получать ключевую воду для города, ибо речушка Булак, протекавшая через город, давала воду

плохого качества. Гарнизон состоял из 30 тысяч отборных воинов под начальством самого хана Едигера.

Что касается русской артиллерии («наряда», как она называлась тогда), то она делилась на легкую и тяжелую. Легкую артиллерию того времени представляли полуторные и т. п. пищали. Они довольно метко стреляли железными ядрами. Обычно дальность их стрельбы была около версты, и служили они для уничтожения «наряда» и живой силы противника. Для того чтобы разбить деревянную, бревенчатую или каменную стену, служил осадный, или тяжелый наряд. Это были стенобитные пушки, стрелявшие обычно каменными ядрами. Ядра были весом в 40—50 фунтов, но иногда весили и 6 пудов. Были еще особые, верховые пушки, которые обычно стреляли навесным огнем, «огненными ядрами», то есть такими, которые были облеплены зажигательным составом. Такие ядра зажигали постройки за крепостной стеной.

В тот же день начались сшибки с осажденными; при этих сшибках было немало потерь для русского войска. Михаил Воротынский, как главнокомандующий, заимел право являться в шатер к государю в любой час дня и ночи. Он внес новое предложение — возвести «осадное кольцо» [5], без которого Казани не взять. То есть вокруг крепости соорудить особенные большие туры, в виде корзин с землей и высотой почти в полтора сажени. Их надлежит соединить в одну цепь и таким образом получить передвигающуюся стену. Сооружение можно довольно близко приблизить к городской стене. В осадном кольце разместится не только огнестрельный наряд, но и большая часть полков, кроме Сторожевого.

«А как же наряд татар?» — спросил царь.

Воротынский заверил, что наряд неприятеля не причинит никакого вреда, ибо ядра татарских пушек малые, летят они на двадцать-тридцать саженей, а осадное кольцо можно без всякого ущерба подтянуть на пятьдесят саженей от стен крепости.

Перед вечером 26 августа Михаил Воротынский двинул вперед Большой полк, чтобы переместить к стенам Казани туры.² В помощь

¹ Крепость была обнесена деревянной стеной протяженностью около 1600 саженей.

² Туры — бездонные цилиндрические корзины из кольев, оплетенные хворостом, имели обширное применение при ночных работах в крепостной войне, преимущественно для устройства покрытий, блиндажей и ниш для снарядов. Для той же цели употреблялись иногда и в полевой войне.

ему был назначен князь Иван Мстиславский, который вел конницу, в случае нападения татар. Казанцы, увидев передвигающиеся туры, ударили по ратникам ядрами и пулями, а затем выпустили из ворот конницу и пешцев. Завязалась жестокая битва. Русские, в дыму и огне, отражали татар из своих бойниц ружейной стрельбой, копьями и мечами, и хладнокровно шли вперед, вытесняя неприятеля в город и наполняя мосты через ров вражескими телами. Пищальники, расположившись перед валом, стреляли до самой ночи, позволив Воротынскому утвердить, насыпать землей туры в пятидесяти сажнях ото рва, между Арским полем и Булаком. После этого Воротынский приказал пищальникам отступить к турам и закопаться перед ними. Но ночь не остановила битву: казанцы до самого утра беспрестанно выходили из крепости и с неопишуемой яростью сражались с русскими воинами. Бились отчаянно с защитниками тур, бились, «схватываясь за руки», но были постоянно «втаптываемы» в город. 27 августа начальник огнестрельного наряда Михаил Морозов, прикатив к турам стенобитные пушки, открыл сильную пальбу со всех изготовленных бойниц, а пищальники стреляли в город из окопов.

Сам же Михаил Воротынский спешил полностью окружить Казань осадным кольцом. Он приказал Курбскому и князю Щенятьеву подвинуться к городу и начать укреплять туры вдоль реки Казанки под защитой стрельцов, князю Дмитрию Палецкому и Алексею Адашеву – ставить туры с Арского поля до Казанки. С обеих сторон стреляли из пушек, пищалей и луков. Были немалые жертвы с той и другой стороны. И все же настал час, когда Михаил Воротынский явился к царю и доложил, что вся крепость окружена нашими укреплениями, в сухих местах – турами, а в грязных – тыном, и что отныне нет пути ни в Казань, ни из Казани. Боярин же Морозов, везде расставив огнестрельный наряд, будет неутомимо громить вражеские стены из 150-ти тяжелых пушек.

Жестокая война продолжалась. Неутомимый Воротынский изобретал все новые и новые меры для скорейшего взятия города. Через пленных татар он узнал точное место для подкопа под единственный в городе тайник с водой, а также он большую надежду возлагал на «диковинную» осадную башню, «измышленную

розыслом» Иваном Выродковым, которая в разобранном виде уже находится в одной версте от стана [6, с. 454]. С началом темноты башню подвели к войску, а ночью тайно от татар придвинули ее к стенам крепости, поставили к главным Царским воротам, втащили в нее десять тяжелых орудий, пятьдесят средних и посадили искусных стрельцов с ручницами [3, с. 107].

Пушкари, заранее вложившие в стволы ядра и насыпавшие в запалы пороху, поднесли к земляникам горящие фитили. Пушки, изрыгнув дым и пламя, оглушительно ухнули. Стрельцы, стоявшие выше стены, целились в татар на улицах и домах; казанцы укрывались в ямах, копали себе землянки, под стенами рыли норы под тарасами (укреплениями, срубленными из бревен и насыпанные землей).

А Набольший воевода все ближе и ближе подвигал туры к Арской башне. И вот, наконец, настал час, когда лишь один ров (шириной в три сажени и глубиной в семь) отделял осадное кольцо от стен крепости.

Казанцы, понимая смертельную опасность от надвигающегося к крепости осадного кольца, вновь и вновь предпринимали отчаянные вылазки.

В одну из ожесточенных сеч Воротынский был ранен в лицо, однако битвы не покинул, продолжая разить врагов и вдохновлять ратников [3, с. 108]. Рана, на счастье, оказалась не столь тяжелой, но лекарь заявил, что шрам на левой щеке останется на всю жизнь.

Воротынский вплотную занялся подкопами, коими руководил Иван Выродков. Набольший воевода еще заранее лично допросил многих пленных казанцев, кои показали, что из речушки Булак, протекавшей через город, воду не берут, ибо она сильно загрязнена. Воду же берут из родника, находившегося в северной части города вблизи дворца хана Едигера.

Неоднократно перепроверив показания пленных, Иван Выродков и начал вести подкоп в указанное место. Переговорив с розмыслом, Воротынский вновь пришел к царю, заявив, что подкопы нужно вести не только под родник, но и под тарасы и башни, для чего требуется 300 пудов пороха. Иван Грозный посчитал, что огнестрельный наряд лишится почти всего без пороха. Между царем и главнокомандующим завязался ожесточенный спор. Однако Воротынский, зная, царь не терпит малейшего

пререкания, стоял на своем: никакого риска не будет, и что, не взорвав намеченные и тщательно выверенные места, придется стоять под Казанью до зимы, а зимой и вовсе брать крепость затруднительно.

Царь и на этот раз вынужден был согласиться с планом Воротынского.

30 сентября водный источник был взорван, главные башни разрушены, тарасы с людьми взлетели на воздух; бревна побили множество народа в городе, остальные обеспамятели от ужаса и долго оставались в бездействии. Стрелы перестали летать со стен Казани...

2 октября 1552 года главнокомандующий явился к царю. Приведем слова Н. Карамзина:

« - Торжествуй, великий государь. Победа свершилась. Казань наша, царь Едигер в твоих руках, татары истреблены или в плену. Что прикажешь?

- Славить Всевышнего, – ответил царь и, воздев руки на небо, велел петь молебен под святой хоругвью, а затем, торжественно въехав в Казань, собственной рукой водрузил животворящий крест в землю и произнес:

- Быть здесь первой церкви христианской!

Он возвратился в стан, вышел к полкам и громко произнес речь:

- Воины мужественные! Бояре и воеводы! В сей знаменитый день, страдая за имя Божие, за веру, отечество и царя, вы приобрели славу неслыханную в наше время. Никто не оказывал такой храбрости, никто не одерживал такой победы! Вы новые македоняне, достойные потомки витязей, которые с великим князем Димитрием сокрушили Мамая! Чем могу воздать вам?.. Любезнейшие сыны России там, на поле чести лежащие! Вы уже сияете в венцах небесных вместе с первыми мучениками христианства. Се дело Божие: наше есть славить вас во веки веков, вписать имена ваши на хартии священной для поминовения в соборной Апостольской церкви. А вы, своею кровью обогранные, но еще живые для нашей любви и признательности! Все храбрые, коих вижу пред собою! Внимайте и верьте моему обету любить и жаловать вас до конца дней моих... *Вы заслужили благодарность отечества!*» [3, с. 112–113].

... После взятия Казани и Астрахани Иван Грозный начал Ливонскую войну, в которой Михаил Воротынский одержал целый ряд славных побед, особенно на первой стадии ратных сражений.

Однако бесстрашный и мужественный воевода не раз упрекал царя за его грубые промахи во внешней и внутренней политике. В 1561 году разгневанный Иван Грозный отнял у Воротынского имение и самого сослал на Белоозеро. Русским же послам дал наказ: «Если (иноземные) послы спросят о Михайле Воротынском, про его опалу, то отвечать: бог один без греха, а государю холоп без вины не живет; князь Михайла государю нагрубил, и государь на него опалу положил» [6, с. 562]. Только в 1565 году, за поручительство знатнейших бояр, царь возвратил его ко Двору, в Ближнюю думу, и назначил казанским наместником. А в 1566 году поручил ему одну из важнейших задач – возглавить «государеву сторожевую службу и строительство оборонительных сооружений на южных границах государства» [7, с. 87].

Что же представляла собой сторожевая и станичная служба, которую возглавил Михаил Воротынский и которая была важнейшим оборонительным средством Российской державы? Воротынский составил Устав той и другой службы [8, с. 213]. Из передовых городов второй и частью третьей оборонительной линии выдвигались в разных направлениях, на известные наблюдательные пункты, сторожи и станицы в два, четыре и больше конных ратников, детей боярских и казаков, – наблюдать за движением в степи ногайских и крымских татар, «чтоб воинские люди на государевы украины безвестно войною не приходили». Наблюдательные пункты удалялись от городов дня на четыре или дней на пять пути. Перед 1571 годом таких сторож было 73 и они образовали 12 цепей, сетью тянувшихся от реки Суры до реки Сейма и отсюда поворачивавших на реки Ворсклу и Северный Донец. Сторожевые пункты отстояли один от другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщение между ними. Сторожи были ближние и дальние, называвшиеся по городам. Сторожи должны были стоять на своих местах неподвижно, «с коней не седая», преимущественно оберегая речные броды, перелазы, где татары перебирались через реки в своих на-

бегах. В то же время станичники по два человека объезжали свои урочища, пространства, порученные их сбережению, верст по шести, по десяти и по пятнадцати направо и налево от наблюдательного пункта. Высмотрев движение татар, станичники тотчас давали о том знать в ближние города, а сами, пропустив татар, разъезжали, рекогносцировали сакмы, которыми прошел неприятель, чтобы узнать его численность по глубине конских следов. Была выработана целая система передачи степных вестей сторожами и станичниками. Сторожа становились обыкновенно у больших одиноких степных деревьев: один из них наблюдал с вершины дерева, другие кормили оседланных лошадей. Заметив пыль на степной сакме, сторож садился на готового коня и скакал к другому сторожевому дереву, сторож которого, едва завидев скачущего, скакал к третьему, и т. д. Таким образом, весть о неприятеле довольно быстро достигала украинских городов и самой Москвы. Таково было действие Устава сторожевой и станичной службы, составленного Михаилом Воротынским.

Так, шаг за шагом, Русь отвоевывала степь у степных разбойничьих орд. В продолжение XVI века из года в год тысячи пограничного населения пропадали для страны, а десятки тысяч лучшего народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть от плена и разорения обывателей центральных областей. Если представить себе, сколько времени и сил, материальных и духовных, гибло в этой однообразной и грубой, мучительной погоне за лукавым степным хищником, едва ли кто спросит, что делали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своих успехов в промышленности и торговле, в общежитии, в науках и искусствах.

Но громадную орду татар сдержать Руси было невозможно. Только предупредить. Летом 1572 года крымский хан Девлет-Гирей перешел Оку со 120-тысячным войском. Над Русью нависла угроза страшного разорения. Иван Грозный вновь назначил князя Воротынского главным командующим сорокатысячной рати, а сам умчался в Ростов Великий [6, с. 590].

Русское войско «под начальством Михаила Воротынского» встретило войско Девлет-Гирея в 50 верстах от Москвы, на берегу реки Лопасни, в Молодах, и нанесло татарам сокру-

шительный удар. Русь была спасена [6, с. 590]. Ратники Воротынского «если не навсегда, то по крайней мере надолго уняли крымцев, наполнив их трупами недра земли между Лопаснею и Рожаем, где донныне стоят высокие курганы, памятники сей знаменитой победы и славы князя Михаила Воротынского» [9, с. 150].

Сражение при Молодах 1572 года относится к числу значительнейших событий военной истории 16 века. Разгромив в открытом поле татарскую орду, Русь нанесла сокрушительный удар по военному могуществу Крыма. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 году и разгром крымской орды под Москвой 1572 года положили предел турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Но блестящие победы, вошедшие в историю, не спасли Михаила Ивановича от нездоровой подозрительности Ивана Грозного. Когда в 1577 году беглый слуга Михаила Ивановича, уличенный в краже, явился к царю с доносом на своего господина, обвиняя его в чародействе и в умысле извести царя, последний тотчас же приказал сковать Михаила Ивановича и подвергнуть ужасной пытке. Связанного полководца положили между двумя горящими кострами, и сам Иван Грозный, как утверждает князь А. И. Курбский, пригребал пылающие уголья к телу Воротынского. Обгорелого, но еще живого Михаила Ивановича повезли на телеге в заточение на Белоозеро, но дорогой он скончался [6, с. 547].

Известный политический деятель и писатель Андрей Михайлович Курбский, также блестящий военачальник, будучи в опале, напишет о полководце М. И. Воротынском, что тот был «муж крепкий и мужественный, в полкоустройных зело искусный... победоносец и оберегатель всея земли Русской» [10].

В 1862 году Михаил Воротынский, как и Ярослав Мудрый, в числе 109 самых выдающихся деятелей Российской империи был изображен на памятнике Тысячелетию России в Великом Новгороде [7, с. 89]. Превосходная оценка! Но кто теперь знает о выдающихся подвигах бывшего ярославского воеводы, представляющего национальную гордость России?! Может быть единицы. Страшно, что мы забываем свои корни. «Сейте (и дальше) разумное, доброе, вечное. Сейте! Спасибо вам скажет сердечное Русский народ».

Как бы хотелось, чтобы героический Русский народ, перенесший за многие столетия неисчислимое множество бед и страданий, не забывал слова великого классика. Как бы хотелось!

Библиографический список:

1. Рудаков В. Е. «К истории Архива Департамента Герольдии». Статья опубликована в Энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона, СПб., 1899 г. Издательство: Терра, 1995
2. Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. Издательство: Терра, 1995
3. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Журнал «Москва», № 6. Т. 8, 1989
4. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Журнал «Москва», № 5. Т. 8.
5. Б. Верховень. Россия в царствование Ивана Грозного. Издательство политической литературы, 1939
6. С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 6, Москва, изд. «Мысль», 1989
7. Летопись Ярославля: 1010 – 2010; С-Пб: Издательский дом «Морской Петербург», 2007
8. Р. Г. Скрынников. Иван Грозный. М. Издательство «НАУКА», 1975
9. Н. М. Карамзин. История государства Российского. Журнал «Москва», № 8. Т. 9.
10. А. М. Курбский. «История князя великого московского» (изложение событий от детства Грозного до 1578 г., которое справедливо считают первым по времени памятником русской историографии со строго выдержанной тенденцией).